

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»
ЛЕКАРЬ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЛЕКАРЬ

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 413

Художник
С. А. Григорьев

Щепетнов Е. В.
Щ56 Лекарь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1179-5

Это мир волшебства, магии, рыцарей и рабовладельцев... Как он живет в этом мире — наш земной человек, волей случая попавший в параллельный мир? Он убивает так же легко, как и лечит. Его боготворят красивые женщины и боятся враги. Он находит общий язык с магами и драконами. Кто он? Лекарь!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1179-5

© Щепетнов Е. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Щека Владимира ощущала шероховатую колючую поверхность. Он не мог определить, что это... Его глаза стали медленно открываться, муть в них постепенно проходила и... взгляд уткнулся в темный потолок над головой. Доски потолка, почему-то не покрытого известкой или какой-то краской, были темны, как бы закопчены. Владимир стал мучительно вспоминать — где он, что с ним?

Он шел из спортзала к машине, которую припарковал у банка напротив, через дорогу. Как обычно, поставить машину было негде — какие-то уроды заставили все парковочные места своими грязными авто, заляпанными смесью песка и снега, и ему нашлось место только на вершине сугроба, образованного той же смесью песка, грязи и снега. Он с мстительной радостью загнал туда свою «Ниву», в который раз с удовольствием констатируя, что в нашей жизни вездеход не роскошь...

Занятия прошли как обычно. Он начал с тренажера, прокачав грудные мышцы, перешел на отжимание штанги, потом на другой снаряд, третий... и через два часа, выпив поллитровую бутылочку противной негазированной воды (в который раз он обругал себя, что забыл купить в магазинчике литровую бутылку газировки — тут, в буфете спортзала, все было в два раза дороже), вышел на улицу.

Владимир стал ходить в спортзал после того, как почувствовал, что стал сильно набирать вес. Ему только что исполнилось пятьдесят лет... грустная дата. Как пел один бард¹ в песне про тридцать лет: «А потом начинаешь спускаться, каждый

---

¹ Юрий Кукин «Тридцать лет».

шаг остороженько взвесь: пятьдесят — это так же, как в двадцать, ну а в семьдесят — так же, как в десять...»

Так что Владимиру, судя по этим словам, было сейчас двадцать лет.

Он был атлетического сложения — сказалась спортивная молодость: занятия рукопашным боем, дзюдо, штангой. Отец в юности увлек его упражнениями с гириями. Увы, самостоятельные занятия тяжелой атлетикой плохо сказались на его фигуре. Никто не подсказал ему, что, когда поднимаешь железо, необходимо стягивать живот ремнем, чтобы не растянуть брюшные мышцы, так что живот с годами покрылся слоем благоприобретенного жира — пиво, вкусные копчености, — и это его сильно раздражало.

Отвратительно. И силы хватало, и реакция у него была молниеносная, как у двадцатилетнего, но зеркало, это мерзкое изобретение цивилизации, демонстрировало ему седого бородатого мужика, слегка смахивающего на Николая II, только у того седины не было... А может, была? Может, и была, но уж точно не такая. Император не прошел через лихие девяностые, не был под следствием по навету, не выживал, вытаскивая свою семью из нищеты. Владимир не любил вспоминать об этом времени, тогда ему пришлось испытать все — от состоятельной жизни до полной нищеты. При мысли об этом у него щемило сердце. Теперь дети были взрослые, более-менее устроенные, жена не работала — содержала хозяйство, их небольшой загородный домик, а у него самого был небольшой стабильный доход от мелкого бизнеса.

Володя опять пошевелил головой, насколько позволила шея, глаза окончательно сфокусировались, он осмотрел помещение. Большая комната была темна, и лишь отблески огня метались по бревенчатым стенам, выскакивая лучами из щелей и дырочек в печи. Печи? Какой, к черту, печи — наконец-то дошла до него абсурдность происходящего: откуда печь в городе? Как он оказался в этом сарае? Он попытался сесть, но руки и ноги не слушались. После небольшого усилия его накрыла волна тошноты, и он провалился во тьму...

Следующее пробуждение было уже полегче, глаза открылись сразу, а нос почувствовал запах какого-то варева. На его

груди стояла глубокая, похоже, деревянная чашка, а к губам была приставлена такая же деревянная, наполненная чем-то вроде бульона, которая настойчиво пыталась пропихнуться через его сомкнутые челюсти.

— Пей! Пей, а то сдохнешь!

Он скосил глаза и увидел женское лицо. Волосы, обтягивающие маслянистой блестящей волной голову небольшой пожилой женщины, были собраны в гладкий хвост. Владимир подумал: «Как бабушка. Она тоже все мазала волосы маслом... Что за дурацкая привычка мазать волосы маслом! Вот откуда взялась в русских сказках присказка «маслена головушка». Эта дурацкая мысль не помешала ему раскрыть рот, и в него пролилась теплая пахучая струя варева. Чтобы не захлебнуться, он жадно сглотнул... Затем еще, еще... Владимир боялся поперхнуться, но ему вдруг очень захотелось есть, и неожиданно для себя он поднял руку — что далось ему уже легче — и подтянул чашку к губам, но... едва не захлебнулся бульоном, залив себе глаза и лицо, и тотчас закашлялся.

— Ну что ты как ребенок, — сердито прикрикнула женщина, — ну вот все пролил, теперь мокрый будешь лежать!

Она вытерла ему лицо тряпочкой... И у него из глаз вдруг полились слезы — чувство собственной беспомощности, слабости было сродни ощущениям младенца — ему вдруг показалась такой родной и близкой эта незнакомая женщина, как будто он увидел свою давно умершую мать... Руки незнакомки были теплые, шершавые, и от них веяло силой, добротой и какой-то уверенностью... В животе его приживался крепкий бульон, распространяя по телу усталость и сон. Владимир снова уснул.

Следующее пробуждение было активнее. Кто-то тряс его за плечо, не обращая внимания на то, что он пытался спрятаться в спасительной темноте. Когда спишь, не так все страшно и странно, вроде как ничего и не случилось.

Реальность опять поставила Владимира перед фактом: он неизвестно где, бессильный, слабый фактически, почти что умирающий. Он попытался что-то сказать нависшей над ним женщине, но из горла вырвался какой-то клекот, хрип. Женщина приказала ему молчать, поставила на грудь чашку с паху-

чим бульоном и стала, макая в нее хлеб, совать ему в рот пропитанные варевом кусочки. Хлеб был размокший, пах одуряющее вкусно, и Владимир, давясь, начал его глотать, пока женщина не заявила:

— Все, хватит на сегодня, а то плохо будет.

Он опять расслабился, только теперь не сразу уснул, а стал следить взглядом за перемещающейся по комнате незнакомкой, прислушиваясь к ощущениям тяжести в животе. Тошнота, видимо, отступила, тело настойчиво требовало пищи. Владимир стал вычислять, куда же он попал? Как оказался в деревне?

Он вышел из спортзала, налетел порыв сильного ветра, поднявший снежную пыль и ударивший в глаза мельчайшими ледышками. Ветер задувал через полы не до конца застегнутой куртки, пробирал до костей — Владимир ощутил озноб.

Потом он уселся на водительское сиденье, воткнул ключ в замок зажигания, повернул — машина затарахтела стартером, завелась, заглохла. Он поморщился и снова повернул ключ. Наконец «Нива» завелась и неровно заработала своим усталым двигателем, прошедшим огни и воды. Владимир собрался сдать назад, включив заднюю скорость, потом передумал и достал из кармана сотовый телефон (он оставлял его там, занимаясь в спортзале), чтобы проверить пропущенные звонки или sms.

В этот момент вдруг раздался сильный хлесткий звук, как будто кто-то ударил по крыше машины железной цепью. Лобовое стекло треснуло, покрывшись сеткой, двигатель сразу заглох, а в салоне что-то заискрило и запахло озоном. Не понимая, что произошло, Владимир выругался, ошеломленный, собрался было открыть дверь, чтоб вывалиться из кабины, но тут внезапно заметил перед лицом сияющий шарик, с мандарин размером, который парил перед ним и медленно колебался из стороны в сторону в причудливом ритме, подчиняясь какому-то неизвестному источнику.

Владимир осторожно убрал голову подальше от шарика. «О черт, неужели шаровая молния? Участь Рихмана что-то мне никак не катит... пожить бы еще», — подумал он и стал осторожно отодвигаться от опасного объекта в сторону, намерева-

ясь пролезть на заднее сиденье. Шарик как будто на невидимой ниточке потянулся за ним, все приближаясь и приближаясь... Владимир зашевелился быстрее, шарик тоже ускорился... «А-а-а! Сволочь, отстань!» Шарик приблизился к его лицу и с шумом соприкоснулся с головой. Вспышка, грохот, тело свело судорогой, закрутило, и сознание покинуло Владимира.

Следующий раз Владимир очнулся уже на лежанке в бревенчатом доме.... Он стал размышлять: что же это было, что упало на машину? Вспомнил, что «Нива» стояла под столбом электросети. Может, провод свалился, оборвался? Скорее всего. Еще когда он шел в спортзал, обратил внимание, что провода облеплены льдом после прошедшего дождя. Отвратительно, на улице мороз три градуса, а идет дождь — дорога сразу превращается в каток, провода провисают, покрытые льдом, деревья сгибаются под тяжестью замерзшей воды, ломаются с треском ветки, троллейбусы двигаются осторожно, выбрасывая снопы искр из-под контактов, как будто работает гигантская электросварка. Такое за свою жизнь Владимир наблюдал не менее трех раз — природные аномалии подобного рода были нечасты, но и не так уж феноменальны — природа есть природа, сюрпризов у нее недостаточно.

Вот только такой подарочек, как падение оборванного электропровода на его машину, был ему абсолютно не нужен. Владимир любил свою «проходимку», на которой он форсировал реки, после чего вода плескалась в фарах, и удалить ее отсюда становилось проблемой, пролазил по такой грязи, в которой пешеход бы увяз и оставил там свои сапоги навечно... и вот теперь какой-то мерзкий провод раздолбал ее. И денег на ремонт нет... Он опомнился — каких денег? Тут бы еще понять — где он вообще-то находится? *Что* с ним? «Ладно, — успокоился он, — надо немного укрепиться, и там все выяснится».

У него опять защемило сердце — близкие будут переживать, куда он делся. Что бы с ним ни случилось, он всегда возвращался домой. Пьяный ли, грязный, больной или раненый — всегда приползал домой. Дом — это свято. И вот теперь... Глаза его закрылись, мозг не выдержал перегрузки, Владимир провалился во тьму.

Так продолжалось, по его подсчетам, не меньше недели — женщина кормила его из рук, вкладывая в рот размоченные в бульоне кусочки хлеба и заливая из ложки отвар, вскоре сменившийся некой кашцей из растолченного мяса пополам с жидкостью. Вскоре его организм укрепился настолько, что стал шевелиться, а потом взбунтовался и его потянуло на... хм... В общем, женщина отвела Владимира к заведению во дворе, так как воспользоваться кадкой (такие он видел только в киносказках Роу) он не рискнул.

В заведении Владимир огляделся в поисках туалетной бумаги или хотя бы газетки (чтоб заодно узнать, где он), но, обнаружив ничего, кроме большого сосуда вроде кумгана, усмехнулся: «Татары, что ли? Ну или восток...»

Пошатываясь и дрожа от слабости, он вышел обратно на улицу и осмотрелся. Вокруг стоял мачтовый сосновый лес, похожий на тот, что он видел на картинах Шишкина. Бревенчатый дом находился на большой поляне, а за ним раскинулся какой-то огород, на котором росло непонятно что — разглядеть подробности было невозможно. Зимой и не пахло, а вот хвоей... Запах лесных трав и раздавленной клубники буквально шиба-нул в нос...

Владимир сделал несколько шагов по направлению к дому и женщине, стоявшей к нему спиной. При дневном свете он рассмотрел ее, насколько мог: невысокая, крепкая, голова затянута простым коричневым платком, на теле что-то вроде сарафана, на плечах шаль — было немного прохладно и сыро, видимо, ночью прошел дождь.

Она обернулась на шорох, и на ее жестком, покрытом морщинами лице возникла полуулыбка.

— Ну что, оклемался? Я думала, не жилец. Ну, пошли в дом... обопрись на меня, а то шандарахнешься и испачкаешь мне мозгами крыльцо, а я его только что вымыла.

Они побрели в дом. Владимир с трудом преодолел ступеньки крыльца, наконец забрался в комнату и, кашляя и задыхаясь, свалился на топчан. Руки и ноги предательски дрожали, а в глазах плавали радужные круги.

«Да, Вова, — подумал он, — задохлик ты стал еще тот. Надо как-то выкарабкиваться — не вечно же тут валяться... А где

тут-то? Где я? Надо с женщиной поговорить». Он собрался с силами, со скрипом и хрустом в суставах приподнялся и спустил ноги с топчана, стараясь удержать равновесие.

Женщина возилась у печи, чем-то булькая, что-то куда-то переливая, потом обернулась и направилась к нему с чашкой. Судя по пару, в ней плескалось очень горячее варево. Она подвинула ногой к топчану табуретку и поставила деревянную посудину на нее, погрозив Владимиру пальцем:

— Не хватай, горячо! Пусть остынет. Сейчас ложку и хлеба принесу.

Владимир в очередной раз подсознательно отметил: что-то в ее речи неправильно — то ли акцент какой-то, то ли слова как-то непривычно ставит, ну как бы слышишь речь мордвина — говорит по-русски правильно, но либо в ударениях, либо в произношении что-то не так... Это легко уловить на слух, особенно когда за свои пятьдесят лет наслушаешься любых акцентов и говоров. С опытом легко начинаешь сразу определять, откуда человек — а тут непонятно. Да и обстановка странная...

Женщина подошла к нему, сделала легкое движение рукой, как будто подкинула что-то — у потолка загорелся шарик вроде электрической лампочки. Владимир вздрогнул и вытаращил глаза, ошеломленный увиденным. Хозяйка дома в свою очередь удивленно воззрилась на него:

— Ты чего, светлячка не видал ни разу? Чего так напугался?

— Не видал... у нас так не умеют. — Он посмотрел на женщину и с волнением спросил: — Я вообще где? Это что за местность, как я сюда попал? Вы кто? Как мне попасть в город? Мне надо связаться с семьей, они волнуются, потеряли меня, наверное. Что это за глушь? Я ведь в городе был, когда потерял сознание.

— Сколько вопросов сразу... Ну, начнем по порядку. Я Марьяна. И не надо меня на «вы» звать — я простая деревенская целительница, только дворян на «вы» зовут и по имени-отчеству. Ты на моем хуторе, рядом деревня Карауловка, двести дворов. Самый близкий город Лазутин, пятьдесят верст вниз по реке. Как ты тут оказался — я не знаю. Я тебя нашла на огороде. Грядку мне всю помял. Да сама я пол-огорода истолкла, пока тебя тащила в дом — вот ты наел телеса. Хотя это тебя и спас-

ло — ты месяц лежал в обмороке, пока очнулся. Не было бы запасов в теле — умер бы от голода. И так чуть не умер. Вовремя оклемался. Думала, тащить опять придется, яму копать надрываться... — Женщина ехидно хмыкнула. — Если бы я не была целительницей — не выжил бы. Я уж и так и сяк тебя силой поднимала, руки накладывала, и только через месяц ты начал оживать, шевелиться. Я, конечно, не сильная колдунья, но кое-что могу, вот на пределе моих способностей это и было. Могу лечить силой, могу травами отпаивать, могу небольшие колдовства делать — вот как светлячок этот, — но это все умеют, кто Силы касаться может, и ты тоже... Я по ауре вижу — можешь, только необучен. Вот все, что могу сказать. Давай ешь, пока совсем не остыло, потом будем разговаривать. Жуй, жуй... набирайся сил.

Марьяна придвинула к нему миску с похлебкой, Владимир стал хлебать, заедая куском хлеба, отрезанным от каравая. Полученная информация его ошеломила. Ну, он любил фэнтези, про попаданцев всяких — что-то ему нравилось, что-то его раздражало, но в общем это было неплохое времяпровождение, — но вот чтобы самому попасть... Куда? Хрен знает куда. Говорит вроде по-русски, но цивилизацией тут и не пахнет. Все застыло на уровне Средневековья... А может, и бронзового века? Да запросто. Стоп — на печи чугунная плита, нож стальной — это не бронзовый век точно. Значит, примерно средневековье. На это указывает и упоминание о дворянах. Раз есть дворяне — есть двор, есть царь и так далее. Параллельный мир? Ну почему бы и нет. Владимир допускал, что в жизни есть много чего неизвестного, недоступного пониманию. А уж про шаровые молнии столько всяких таинственных историй было — до сих пор так никто и не знает, что это такое, куда они деваются и откуда приходят. И самое главное — куда уходят. Кого-то они убивают, а кого-то не трогают... В общем, ему повезло как утопленнику — забросило хрен знает куда и зачем, без средств к существованию, без информации, без надежды на возвращение. Его взяла такая тоска, что впору завывать в голос, как собаке... Он бросил ложку — кусок в горло не лез.

Марьяна внимательно посмотрела на него:

— Так, кончай нюниться. Ты жив, скоро будешь здоров, люди и без ног и без рук живут, а ты здоровый сильный мужик, что-нибудь придумаешь, крыша над головой есть, еда — слава тебе, Боже — у нас есть, а там как судьбе угодно. Прекращай, бери ложку и ешь. Окрепнешь — будешь мне по хозяйству помогать, а там разберемся. Ко мне люди ходят лечиться, я им помогаю, мне платят, еды приносят, проживем. Не выгоняю же я тебя... грех немощным отказать в помощи. Вот окрепнешь — там сам решишь, что и как.

Владимир дохлебал суп и откинулся на лежанку... На него опять накатила усталость, и он провалился в тревожный сон.

Через неделю Владимир уже свободно перемещался по двору, выполняя мелкие работы, вроде колки дров или копания огорода. Тело уже укрепилось, кожа не висела, как складчатая простыня, мускулам возвращалась былая сила. Нет худа без добра — лишний вес ушел, оставив лишь свитые в жгуты мышцы и крепкие кости, Владимир все реже присаживался на чурбак, утихомиривая бьющееся, как птица в клетке, сердце и умиряя одышку. Ему нравилось колоть дрова — работа на свежем воздухе и физические упражнения быстро развивали его тело, у него проснулся ужасный голод, он был готов есть целыми днями, так что Марьяна беззлобно поругивалась и кричала, что он проглот и она на него не напасется харчей.

Впрочем, она была явно довольна, что Владимир быстро восстанавливается — это была ее заслуга как целительницы, и как художник или скульптор, восхищенный своим талантом, она радовалась своим успехам в целительстве. Поставить на ноги практически безнадежного больного было очень интересно. Как сказали бы врачи, «интересный случай». Видимо, люди двух миров мало отличались друг от друга психологией. Только вот цивилизация в одном случае пошла технологическим путем, а в другом — путем развития духовных способностей, говоря языком мира Владимира, местные же это называли магией или силой.

Владимир, по мере возможности, выспрашивал у Марьяны об этом мире, и через месяц у него уже сложилось примерное представление о том, как все выглядит. Конечно, деревенская

целительница мало что могла пояснить о дальних странах, но о жизни в этой стране она могла рассказать довольно подробно.

Эта страна представляла собой конгломерат из различных народов и народностей — от русских до китайцев. Как понял Владимир, китайцы мигрировали из своей страны из-за перенаселения или каких-то еще причин, но обосновались тут, в средней полосе, приняв подданство.

Страна называлась Истрия (Владимир так и не понял, откуда взялось название). Во главе стоял император, ему подчинялись герцоги, графы и разнообразные сложные структуры: поместь каких-то торговых гильдий и дворянских родов. Тут не было такого четкого деления на дворян, которые ничего не делают и лишь являются получателями дохода от земель, и купеческое сословие: дворяне тоже торговали и состояли в гильдиях, а купцы могли купить себе титул, правда, с какими-то ограничениями, впрочем, нечто подобное было и в Российской империи.

Самым главным фактором, влияющим на жизнь, было наличие магии. Ну, к примеру, если вы зарядили пушку порохом, надеясь раскидать кишки противника по кустам, а в стане противника находится боевой маг, то по кустам будут раскиданы не его, а ваши кишки. Он просто взорвет порох на расстоянии. Не могут долететь до цели и снаряды, если отправить их издали, или ракеты — их можно взорвать в воздухе. Из-за электрических разрядов, сопровождающих заклинания (впрочем, это громко сказано — заклинания, или волшба, творились здесь как-то по-другому, без зазываний, воплей или речитативов, Владимир пока не разобрался, как это происходило), не могли работать электроприборы, которые неминуемо сгорели бы просто на корню. Так что об электронике тут не могло быть и речи. То же самое касалось двигателей внутреннего сгорания и тому подобных вещей, тут могли работать только паровые двигатели, но они как-то не получили распространения — слишком низкий КПД и большое потребление материалов. Впрочем, Владимиру казалось, что это просто следствие консервативности людей и непонимание ими выгод от этих машин. Но ведь он смотрел на проблему с точки зрения современного человека технологичного мира.

Дни в избушке текли размеренно, спокойно. Днем время от времени приходили люди, которых Марьяна принимала в пристройке к дому — что-то вроде этакой клиники, как она говорила: «Ну не тащить же болезни в дом...» Владимиру после приходилось вымывать стол и топчан в этой «клинике», иногда залитые гноем и кровью. Марьяна на это злорадно хихикала и приговаривала: «Вот тебе хлеб целителя! А ты думал, розами тут пахнет?!» Владимир ничего в таких случаях не думал, кроме виртуозных ругательств в адрес больных и ехидной старушечки.

Впрочем, старушечкой ее можно было назвать только с натяжкой — язык не поворачивался — настолько она была энергичной, крепкой. Возраст ее можно было определить... хм... нельзя было определить... «От шестидесяти до... Бог знает, сколько они тут живут», — думал Владимир.

После осторожных расспросов он узнал, что возраст живущих в этой стране напрямую зависит от способностей обладать так называемой Силой. Выходит, очень сильные магики могут жить практически неограниченно — но таких было очень мало, Марьяна в своей жизни (а ей было сто двадцать лет) их не встречала. Это было примерно так же, как встретить долгожителя с Кавказа — он где-то там есть, живет уже сто восемьдесят лет, но где-нибудь в Воронеже его нет. Ты не видишь сурка — а он есть!

Марьяна могла прикладываться к Силе, но ее каналы были в состоянии пропустить только небольшое ее количество, а потому мощными способностями она не блистала. Зажечь магический светлячок, воздействовать на ауру больного с целью излечения, срastить небольшую ранку или остановить кровь, убить бактерии в ране, ну и еще ряд небольших чудес были доступны ей. Даже чтобы срastить кость, ей бы потребовалось неделю сидеть непрерывно над ней, возложив руки и истощив себя до изнеможения. Посему основным способом лечения были гомеопатические средства и способы обычных врачей всех миров — шины, лекарства, скальпель.

Умение исцелять, как правило, не передавалось по наследству в одной семье. Как понял Владимир, у Марьяны семьи не было — муж давно умер, он не был магиком. Так и текла ее

жизнь тихо и спокойно... до тех пор, пока на грядку календулы не свалился здоровенный стокилограммовый мужик.

Утро началось с истошных воплей петуха, который влетел на плетень и, надсаживаясь, орал на всю округу, заявляя свои права на окрестные земли и гарем. Владимир потянулся, с хрустом распрямив руки и поводя плечами. Потом резко спустил ноги с лежанки, откинув шерстяное одеяло и отходя от тревожного сна. Его все мучили кошмары — в голове проплывали какие-то обрывки прежних воспоминаний, и все почему-то заливалось светом, как из неоновой лампы. Это повторялось день ото дня, и никакие тяжелые физические работы, усталость, даже целебные отвары не могли заглушить смятение души.

Он почесал левое плечо и в который раз посмотрел на появившееся на нем темное пятно, от которого отходили «ветви», — это был след вхождения в тело шаровой молнии. Что интересно, выходного пятна не было, хотя обычно в этом случае где-нибудь на ноге всегда бывает выходное, — энергия молнии (если это была молния) как бы потерялась в организме. Владимир встал, еще раз потянулся, надел штаны, натянув их на свои единственные трусы.

Надо сказать, что о нижнем белье, таком как на Земле, тут и не слыхивали. Люди спали или в одежде, или в исподнем, или голые. Или в таких рубахах, которые Владимир видел только в исторических фильмах. Марьяна смеялась, глядя, как он упорно держится за пережитки своего мира, будучи вынужден стирать свои трусы через день. Ей это казалось ужасно смешным и глупым, о чем она обязательно сообщала при каждой удобной возможности.

Скоро с бельем и одеждой у него не будет проблем. Заезжие купцы обеспечивали местных жителей (и их с Марьяной в том числе) и нитками, и иголками, и хорошей тканью, а крестьянки на досуге, долгими зимними вечерами, с удовольствием обшивали всех, кто к ним обращался, но пока... Пока Марьяна не упускала возможности посмеяться над чистюлей из другого мира.

Сегодня у клиники уже ждали трое крестьян, один держал на весу замотанную тряпкой руку, тряпка была пропитана кро-

вью, а лицо его выглядело бледным. Рядом стояли еще две телеги: на одной была баба с ребенком, на другой — девушка, накрытая чем-то вроде брезента. Марьяна уже суетилась, нагревая на печке во дворе горячую воду и готовя отстиранные холщовые бинты.

Прием начался с мужика. Владимир уже привычно ассистировал: разматывал бинты, обмывал руку стонущему больному. Марьяна предельно серьезно подсказывала ему, что и как надо делать, указывая на необходимые предметы, обращала внимание на состояние руки больного.

Владимир не был новичком в лечении, что облегчало ему понимание слов целительницы. За свои годы он получил много знаний — от курсов санитаров, некогда пройденных им при военкомате, до разнообразной информации, добытой из книг, Интернета... и еще черт знает откуда. Эти сведения неожиданно всплывали у него в голове, кусками и мгновенно, что его удивляло. Ну как он мог вспомнить картинку из анатомического атласа, которую видел в четвертом классе сельской школы? После этого прошло сорок лет!

Но, видимо, это были последствия удара шаровой молнии, которая открыла закупоренные каналы для доступа информации, надежно упакованной в мозге любого человека. Для того чтобы ее извлечь, нужны какие-то стрессовые ситуации — в литературе описывалось немало случаев, когда люди проявляли фантастические способности после каких-то странных событий. Некоторые вдруг начинали говорить на мертвых языках, другие демонстрировали феноменальные данные в математике — перемножали в голове многозначные числа, третьи вообще переставали спать и никогда не уставали, да много чего еще.

И такие случаи, как у Владимира, тоже наблюдались: ему сразу вспомнилась, когда он думал над этим, статья о некоем Бобе Петрелла из Америки, который также ничего не забывал. Он тогда подивился и позавидовал — вот счастливчик. И забыл об этом... до поры до времени. Теперь, при его желании, перед ним вставали целые страницы текста, который он когда-то видел, слова, которые он когда-то слышал... Первое время его голова раскалывалась от потока хлынувшей информации, не-

сколько дней он с трудом мог говорить и осознавать мир вокруг, перепугав Марьяну, но постепенно все нормализовалось. Видимо, потоки знаний как-то вошли в нужное русло, и теперь при желании, без всякого усилия, он мог вызвать любую информацию.

Побочным и закономерным эффектом этой способности было то, что он с первого раза запоминал, услышав или увидев все, что ему показали. Это не означало, будто он сразу мог стать гениальным хирургом или целителем — есть еще такое понятие, как память тела, а она нарабатывается только многократным повторением одних и тех же нужных движений. Впрочем, и это у него получалось очень легко. От дальнейшей карьеры лекаря его отделяло лишь то, что он не умел пользоваться Силой, хотя, как сказала Марьяна, способности у него имелись. Беда в том, что его мозг, мозг рационального человека технологического мира, не мог, не хотел допустить в себя мысль о возможности пользоваться чем-то «нефизическим», чем-то, отрицаемым материалистической наукой.

Марьяна часто нападала на него, требуя, чтобы он начал брать у нее уроки магии, но он отнекивался, боясь, что не получится. Ему и хотелось попробовать — вдруг он и правда маг, ну как в книжках, но и что-то останавливало его, все это казалось чем-то несерьезным и странным. Он сам не знал, почему он так опасается, что потеряет от уроков, и все-таки отбивался от целительницы, выдвигая все новые предлоги: то он еще слаб, то готов начать со следующей недели, или потом... И на этом все застыло.

Рука крестьянина была сильно переломана, практически как из мясорубки. Владимир поморщился — по-хорошему, в его мире эту руку бы ампутировали, с такой кашей ничего сделать нельзя. Сможет ли Марьяна что-то сотворить?

Он смотрел за ней: целительница положила руку на стол, стала расправлять раздавленную конечность. Потом взяла что-то вроде пинцета и начала удалять кусочки кости и оторванной ткани из ран. Крестьянин сидел спокойно, даже не морщился. Перед началом операции Марьяна, проведя рукой по голове, отключила у него все болевые ощущения — Владимира каждый раз поражало это умение, а Марьяну сильно забавляло

восхищение ученика — с ее слов, снятие боли является первым умением, которое постигают целители-магики. Толку от операции, если больной скончается от болевого шока?

Наконец раны были очищены — если можно назвать ранами лепешку вместо руки. Марьяна поморщилась, потом тихонько сказала, глядя на мужика, сидящего с остекленевшим взглядом:

— Руку-то я ему сохранию, но пользоваться ей он как следует не сможет... не хватает у меня умения, Силы мало. Чтобы действительно восстановить ему руку, надо целителя-магика высшего разряда, а я кто — деревенская целительница. Ну что могу, то и сделаю, все равно у него денег на высшего целителя нет и не будет — те стоят столько, сколько он за всю жизнь не заработает.

Владимир задумался. А чем этот мир отличается-то? В его мире, если нет бабок, сдохнешь, поскольку не сможешь нанять дорогих врачей, купить дорогие лекарства. Чем отличается этот мир от его мира? Ничем.

— Вот ты, Влад, скотина ты эдакая, сколько раз я тебя уговаривала: учись, учись. Может, спасли бы мужику руку. А ты как хряк безмозглый, одно свое хрюкаешь: па-аа-том! Па-а-том! Врезала бы тебе... — Марьяна осторожно взяла руку мужика и стала сшивать.

Владимиру стало стыдно. И правда, чего он ерепенится? Может, вдвоем и в самом деле мужику бы помогли... надо как-то заняться... завтра. Завтра. Он четко решил для себя, что завтра он займется учением, о чем сразу сообщил целительнице.

Она фыркнула — сколько раз уже было такое. Владимир заверил ее, что уж завтра точно. После завтрака, если приема больных не будет. Если будет — вечером. На том и сошлись. Кстати, Марьяна сразу стала звать его Владом и предложила и ему звать себя так — только дворяне имели длинные имена. Простолюдины обходились короткими.

Наконец возня с иглами и нитками закончилась, Марьяна наложила руки на поврежденную конечность, ее лицо разгладилось, кисти рук вдруг засветились неярким светом, который как бы отходил от ладоней и вливался в раны... Они на глазах зарубцовывались, приобретали вид давно перенесенной трав-

мы. Потом целительница устало убрала руки, села на подставленную Владимиром табуретку:

— Все, больше сделать ничего не могу... Жить будет, рука двигаться почти не будет... Хорошо, если разработает с годами, но не до конца — это точно. Нечего было пить и в молотилку соваться. — Она снова поднялась, провела над головой крестьянина ладонью, тот очнулся и сразу посмотрел на руку.

— Все, Митрофан, большего сделать ничего не могу. Если соберешь тысячу золотых, езжай в столицу, тебе новую руку отстроят. Я, что могла, сделала. С тебя пять серебряников.

— Издеваешься, Марьяна?! Какие тысячу золотых?! Я за год на всю семью пятьдесят если сделаю, и то хорошо. Какие золотые, обалдела?

— Слышь, мужик, ты базар-то фильтруй, а то щас тебе еще и ноги лечить надо будет, я поспособствую! — Владимир увлекся и заговорил на жаргоне своего мира. — Так, плати и вали отсюда, нам еще людей принимать, ты не один такой у нас.

Мужик неловко достал мешочек с деньгами, отсчитал и, недовольно бурча, вышел из клиники. В дверь тут же сунулись следующие посетители, но Марьяна замахала руками:

— Кыш, кыш, полчаса подождете, нам еще прибрать тут надо после этого обормота!

Голова в двери исчезла, а лекари стали отмывать стол и собирать инструменты.

Наконец все было прибрано. Марьяна налила себе чаю из заранее приготовленного чайничка — чай был крепкий, заваренный с лесными травами, по запаху Владимир распознал клубнику и бадан, — съела небольшую лепешку, чтоб немного восстановить силы, и жестом приказала ему пригласить следующего больного.

Оставшиеся были несложные. Девушка с лихорадкой — на нее ушло пять минут. Владимир понял так, что Марьяна уничтожила в крови девушки болезнетворные бактерии, подстегнув обмен веществ и молниеносно нагрел и остудив кровь в сосудах, — это также стоило пять серебряников.

Следующий за ней ребенок с чирьем занял еще меньше времени, его исцеление обошлось в два серебряника. Наконец площадка у клиники опустела, и целители остались одни. Ма-

рьяна устало побрела в дом и прилегла на топчан. Владимир накрыл ее одеялом и пошел приготовить новый чай. Марьяна протестующее приговаривала:

— Щас, щас я передохну и встану, приготовлю чо-нить поест, не беспокойся. — Но Владимир решительно подоткнул одеяло и сказал, чтобы она не дергалась и спокойно лежала... Она успокоилась и вдруг спросила: — Слушай, Влад, а что такое «фильтруй базар»?

Владимир от неожиданности хмыкнул и смущенно сообщил ей, что на воровском жаргоне это означает «следи за словами». Мол, чисто автоматически вылетело.

— У нас половина страны сидела в тюрьме, а вторая носила им передачи, вот и влезли такие обороты. Ну, типа, чтобы запугать собеседника... Шибко разозлил колхозник...

— А что такое колхозник?

— Так, Марьяна, отстань... я пойду чай заварю. Потом как-нибудь расскажу. Завтра с утра будешь меня учить магии. Я слов на ветер не бросаю.

Следующий день начался проливным дождем, превратившим черноземные дороги в сплошное болото, в которое нога погружалась чуть ли не до колена. Естественно, поток больных сразу прекратился, остановленный естественными причинами. Тут сам Бог велел заняться уроками. После завтрака, состоявшего из стакана сметаны и краюшки хлеба, лекари уселись напротив друг друга на топчане, в позе лотоса, практически упираясь коленями. Марьяна взяла руки Влада в свои и стала руководить его действиями:

— Расслабься, закрой глаза и представь, что ты огонек в черной пустыне... Ты висишь в воздухе... твои чувства тянутся к той реке, из которой ты вылился. Ты должен увидеть реку Силы и потянуться к ней душой, соприкоснуться с ней, попробовать потянуть из нее Силу. Давай, ищи реку... Пусти мысль вперед... Ищи... ищи... ищи...

Владимир замер, его мысли плавали где-то далеко... он никак не мог освободить голову от них. Сразу лезло: как там без меня, как моя семья... что они делают... Потом он немного успокоился, расслабился... мысль блуждала в пространстве, он вро-

де как начал ощущать что-то, потянулся... но нет. Ушло. Он с досадой открыл глаза:

— Не получается ни черта. Я же говорил!

— Ты же, паразит, не старался! Стараться надо! Ты думаешь, сразу приходит все?! Люди годами учатся, а ты зараз хотел все освоить! Наглец! Пошли чаю попьем, а потом снова будем заниматься. Нечего было... Это... базар фильтровать надо было! Обещал учиться — учись!

Владимир поперхнулся и закашлялся — смешно было слышать жаргонизмы его мира от старушки божьего одуванчика. Она глянула на иконостас в углу и перекрестилась. Потом быстро побежала собирать на стол.

Надо сказать, что по поводу веры Владимир давно уже выяснил: о Христе тут не слыхивали, хотя верховный бог был один. Впрочем, имелось также множество богов типа языческих. Словом, религия тут почти не отличалась от той, что существовала в его мире, в общих чертах.

Целители сели за стол, Марьяна налила в деревянные, расписанные по типу хохломы кружки травяного отвару, и они занялись чаепитием, используя вместо сахара густой белый мед. Марьяна всем видам сахара предпочитала именно мед, считая его, и справедливо, лекарством от большинства болезней. Да и просто так было вкусно.

Наконец чай был допит, и Марьяна опять потянула Владимира на топчан. Они уселись в прежних позах. Владимир про себя выругался, эти вычурные восточные асаны ему всегда не нравились — ноги через минуту начинают болеть, спина затекает, поясница ноет — не двадцать же лет уже. Но делать нечего — расслабился, закрыл глаза, подал руки Марьяне. Вдруг почувствовал слабость, и мысли стали отлетать далеко-далеко, оставляя пустоту и черное пространство. Последняя мысль была: «Подпоила, зараза, вот хитрая бабулька!» Затем остались только ее слова, ее вкрадчивый тихий голос:

— Ты огонек в черной темноте... ты колышешься и горишь... ты хочешь потянуться к реке, от которой ты отделился... Ищи, ищи... почувствуй реку, тепло. Тепло. Теплее... смотри — вот она, река... Осторожно подлети к ней и почувствуй ее... Ты должен осторожно коснуться ее и попробовать наладить канал...

Подлети ближе... касайся разумом... тянись к ней, тянись... осторожно тянись... Осторожно!!! Медведь чертов! Что ты делаешь?!!

Владимир висел в черной пустоте, следуя словам Марьяны... Такое впечатление было, будто бы она тащит его через огромный космос, сияющий звездами и замусоренный космической пылью. Наконец он почувствовал что-то... как будто теплое дуновение коснулось его щеки... Он потянулся по направлению к теплу и вдруг увидел Ее. Река Силы текла в пространстве как огромный поток. Она пронизывала буквально все, начинаясь неизвестно где и нигде не заканчиваясь.

Владимир понимал, что на самом деле это не совсем река, как и не совсем космос — просто его подсознание, его мозг воспринимали все это именно так. Сознание человека технологического мира выстроило себе четкую картину и теперь придерживалось ее.

Огонек-Владимир подлетел к громадной реке, как мотылек к пламени. Он слышал как издалека, как из глухого динамика слова Марьяны... она чего-то требовала от него... А, ясно: он должен как-то прикоснуться к реке, потянуть из нее Силу... Но он не знал, как это сделать, и просто как бы взял и вцепился в реку рукой, пытаясь оторвать от нее кусок... Руки, конечно, не было — просто ему как привиделось: будто его рука вцепилась в реку Силы и начала делать отвод потока.словно в воображаемом берегу образовалась дырочка, и поток Силы хлынул в нее, как бы наполняя резервуар в его теле... Он впустил в себя реку, подумал, и еще раз рванул — образовался канал... Владимир стал наполняться быстрее. Он рванул снова, и еще более мощный поток хлынул в него, опалая его огнем и выжигая изнутри.

На периферии сознания метался и визжал голос Марьяны, он отмахнулся от него и продолжил впитывать поток Силы — это было сродни оргазму. Он, как та крыса с вживленными электродами, не мог оторваться от источника удовольствия и все тянул и тянул Силу из реки... пока вдруг не почувствовал дикую боль. Сознание помутилось — поток Силы остановился, а Владимир слетел с топчана, больно ударившись головой о табуретку и приложившись ухом об пол. Марьяна в ярости пина-

ла его ногой в бок, возвышаясь над ним, как Пизанская башня, и вопила, вопила, словно сирена пожарной машины. Владимир почти не разбирал слов, только:

— Ублюдок тупоголовый! Хряк кастрированный! Скотина тупоумная! Что творишь?! Ты какого черта присосался как клещ! Я тебе, придурку, сказала: осторожнее, а ты чего творишь?!

Владимир даже подивился разнообразию ругательств в лексиконе старушки-одуванчика, потом успокоился — все-таки ей сто двадцать лет, за столько лет и он много нового узнает, особенно при таких-то учителях. Он провел по лицу и взвыл от боли — Марьяна разбила ему нос и, похоже, сломала. Кровь залила всю грудь, нос торчал набок. Мужчина с трудом поднялся и сел за стол. Марьяна, продолжая поносить его, подошла к столу и уселась рядом.

— Марьян, ты обалдела, что ли? Ты же мне нос сломала! Я как теперь буду с таким носом жить-то?

— Болван, — устало откликнулась она, — нос-то — дело поправимое. А вот хотел бы ты жить, гадя под себя и пуская слюни? Так бывает со всеми, кто черпал Силы не по силам. Ты не умеешь контролировать себя и Силу, я спасла тебя. Еще бы минута, и ты — овощ. Теперь ты понимаешь, что к чему?

Владимира пробил озноб, и не только от стреляющей боли в носу и распухшего уха — стать идиотом ну никак не входило в его планы.

— Скажи спасибо, болван, что я вовремя успела тебя приложить кулаком! Да у тебя, как оказалось, резерв в магическом узле большой... Хм, раз в сто больше, чем у меня, насколько я поняла. Я тебе говорила, что ты перспективный. Я ведь за сто двадцать лет сумела развить узел до такого объема, а ты сразу — даже завидно. Ладно, давай, гадина, лечить тебя теперь.

Она встала перед Владом, задравшим к ней голову, и начала осторожно ощупывать лицо. Потом заявила:

— Так. Сейчас будет ну очень больно. Я не могу снять с тебя боль, так как ты гораздо выше меня по уровню магии, и я не могу навести на тебя обезболивание, понимаешь? Это родни воздействию на душу, а твоя душа сопротивляется воздействию. Лечить тебя могу, а вот обезболить, или усыпить, или еще

что-то такое из мороков напустить — нет. Придется потерпеть. — С этими словами злостная бабка зверски дернула Влада за нос так, что кровь, слезы и вопли смешались в равных пропорциях, и он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел перед глазами носки тапок Марьяны, перемещающиеся вправо-влево.

— Вставай давай, чего там разлежся-то?.. Все уже.

Владимир ощупал лицо — нос был на месте, ухо не болело. Пока он лежал, целительница провела лечение и восстановила все как было. Даже лучше: он одной ноздрей не очень хорошо дышал с юности из-за перелома хряща, полученного при неизвестных обстоятельствах. Да мало ли таких обстоятельств в юности — от дворовых разборок до некоей игры в секции дзюдо, почему-то называемой регби и имеющей к ней такое же отношение, как пьяные танцы гостей на свадьбе к балету «Лебединое озеро».

Он поднялся и пошел умываться на улицу. С небес хлестала вода, гремел гром... Владимир стоял под дождем, смывающим с него кровь и слезы, и мечтал, чтобы сейчас в него ударила молния и он снова переместился в свой мир, к своей семье... Увы, молнии били где-то там, далеко от него. Да и где гарантия, что удар молнии перенесет его на родину, а не превратит в жаркое? Он был в этом совсем не убежден.

Владимир подошел к кадке, уже полной дождевой воды, и стал умываться. Затем, дрожа, снял штаны и рубаху, хорошенько прополоскал их, отжал и, не разворачивая, понес в дом, шлепая по жидкой грязи босыми ногами. У порога смыл грязь с ног, зачерпнув ковшиком воды из кадки у двери, и ввалился в комнату. Там было тепло и уютно — в печи трещали заранее заложенные дрова, на столе стоял чугунный чайничек с парящим отваром, мед, хлеб, в чашках парила пшенная каша с тающим кусочком масла. Владимир достал из сундучка запасные штаны с рубахой, переделся в сухое и, все еще вздрагивая от холода, уселся за стол.

Они молчали, некоторое время слышался только стук ложек об края чашек. Несмотря на то что недавно они позавтракали, есть хотелось ужасно — Влад всегда замечал, что после работы с Силой Марьяну сразу тянет поесть, видимо, на такие

упражнения с магией организм затрачивает много энергии, и ему требовалось восстановление. Доев кашу, они разлили чай и, смакуя букет и аромат, посидели друг против друга. Говорить не хотелось.

Наконец еда и чай возымели действие, Влад согрелся. Марьяна некоторое время задумчиво смотрела в центр стола, не поднимая глаз, а потом неожиданно сказала:

— Испугалась я. Видела я, как выжгло одну девчонку, мою двоюродную сестру. Симпатичная была девка. Задушили ее.

— Как — задушили?

— Как? А вот так... — И Марьяна страшно и вполне натуралистично изобразила хрип из горла и конвульсии умирающего тела.

— Да нет, — содрогнулся от увиденной картины Владимир, — я имел в виду другое. Что, свои задушили? Зачем? Что, ничего нельзя было сделать?

— Ничего... — Марьяна уперла палец в столешницу и начала водить по ней, как бы чертя невидимые узоры, — ничего не может помочь, если человека выжгло Силой. Пытались в прошлом как-то воспитывать этих... растений. Ну, как детишек неразумных. Но ничего не получается. Если душу выжигает, то тело без души — это просто оболочка. Убийство тут бывает чисто из жалости. Мне тебя не хотелось убивать. Понимаешь? — Она подняла голову и посмотрела на Владимира. — Мы год уже тут с тобой живем, привыкла как-то... Знаю, что скоро уйдешь — тебе тут тесно, хочется мир поглядеть, устроиться как-то получше. Но лучше ты уйдешь живой и здоровый, чем вперед ногами. Так что — слушай бабушку, иначе пропадешь. Понимаешь?

— Да понимаю я все. Получилось так. Такая сладость, такое удовольствие... Я не смог оторваться.

— Могу себе представить... хотя я и слабее тебя во много раз. Будь осторожнее с этим. Всегда есть опасность потерять себя, а меня рядом не будет. Ну что же, теперь можно учиться по-настоящему. Я многому тебя научить не могу — боевая магия мне вообще недоступна, сил мало, светлячок и заживление ран — вот мой уровень. Я научу тебя всему, что умею, а дальше ты будешь сам учиться.

— А сложно учиться? Надо какие-то там слова знать, заклинания?

— Ты где наслушался? У вас там, в твоём мире, что ли? У нас самое главное — концентрация. Ты должен представить то, что ты хочешь сделать, и потянуться за силами к магическому узлу. То есть у тебя в районе центра подреберья есть как бы шар такой, и, когда ты магичишь, ты тянешься к нему и высвобождаешь Силу. Вот эта Сила и есть основа твоих магических дел.

— А если она кончается, Сила эта?

— Тогда ты тянешься к реке Силы и наполняешь резервуар. У тебя теперь имеется постоянный канал к ней, перекрытый твоим духом. Как только сосредотачиваешься, открываешь затвор — и Сила потекла в себя. Не спрашивай меня, что такое Сила, что такое река — этого никто не знает. Мы можем только пользоваться ей, и все. Все разговоры типа откуда она взялась — выеденного яйца не стоят. Болтология одна. Никто не знает. Просто прими как факт — вот она есть, и все тут. Я так поняла, что у вас ее нет, иначе ты бы знал.

— Да, у нас об этом только сказки. Где-то наши миры разошлись... Язык один, а вот история разная. И про магию у нас ничего не известно. Есть какие-то зачатки — кто-то что-то вроде может, но такого, как тут — нет. Все бы знали. — Владимир помолчал, потом добавил: — Неужели магичить так легко? Вот захотел, и получилось? Как-то странно...

— А ты кого вообще видел из людей-то? Крестьян? Меня? Почему ты думаешь, что это так легко и всем доступно? Из десяти—двадцати тысяч один попадает с зачатками магика, а из тех, кто с зачатками, только половина доходят до овладения магией, остальные выгорают. Из оставшихся только единицы дорастут до сильного мага, остальные на моем уровне застревают — не могут развить магический узел. Кто-то из тех, кто с зачатками магии, вообще не хочет становиться магиком — а что, если выгорит? Зачем быть магиком, когда и так жить хорошо. Теперь ясно?

— Ясно. Вот ты, зараза, а если бы я правда выгорел? Чего ты не предупредила, что отсеив такой большой?

— А ты бы тогда решился попробовать? Я-то как-то прошла посвящение — это так у нас называется. Когда ты к реке Силы прикасаешься. А почему ты бы не прошел? Ты сильный, умный, я же вижу. И что, ты всю оставшуюся жизнь собирался тут на хуторе просидеть, грязь месить и бинты отстирывать? Так хоть надежда есть выбраться, я бы посильнее в магии была — разве ж я тут сидела... — Марьяна пригорюнилась, подперла рукой голову и опять уставилась в столешницу. — Так и тянет все послать и куда-нибудь убежать. Так все обрыдло...

— Ну так и уехала бы, а чего?

— Да кто меня там ждет... Магичить там можно, только вступив в гильдию, если поймают на неуплате налога и магичанье без вступления в гильдию — накажут. Могут отрезать от реки Силы на время. А то и навсегда. А потом ты поймешь, что значит, когда ты мог к ней прикоснуться, а теперь не можешь... Впрочем, ты уже понимаешь. Это слаще, чем... между мужиком и бабой, слаще меда... Те, кого отрезают, долго потом не живут. Года три—пять — и умирают. Так что все серьезно. Не вздумай в городе лечить или брать заказы без вступления в гильдию — для себя можешь магичить, для своих близких, а на заказ не моги. Поймают — удуют... если смогут. — Она хитро усмехнулась. — Всегда есть те, кто над законом. Одолеют, если смогут. А не одолеют... Ну в общем, так вот. Давай-ка теперь будем учиться пользоваться даром. Чтобы было недаром.

ГЛАВА 2

Через несколько часов Владимир уже знал, что он бестолковый болван, ушастый дерьмовый енот и вонючий хромой уж... «Откуда у ужа ноги?» — спросил он и получил ответ: «Это такой *дерьмовый уж*». Однако это не помешало Владимиру освоить создание шара-светлячка и разнести печь. В комнате было гадко: куча кирпича, чадающий дым от разбросанных по полу и с трудом залитых водой дров. А в глазах, ослепленных вспышкой, радужные круги...

Началось все невинно. Марьяна приказала ему создать светляка, магический светильник. Он должен питаться от Силы, которую в процессе изготовления закачивает в него магик. Для этого надо было всего лишь подумать о том, что такой шар должен быть создан, и — ап! — в углу повис маленький, с мандарин, шарик. Ну, кончилось это дурно: по принципу «кашу маслом не испортишь» Влад черпанул из узла силы и представил висящий в углу шар, вот только шар тот оказался диаметром полтора метра и сиял, как прожектор заходящего на посадку стратегического бомбардировщика, даже сквозь закрытые веки пробивало.

Пришлось его гасить после яростных, перемежаемых ругательствами объяснений Марьяны. Оказалось, что можно, потянувшись к шару, погасить его, перекачав энергию в свой магический узел. Это было похоже на прикосновение к реке Силы, но только в гораздо меньшем масштабе.

Как выяснилось, погасить шар или впитать магию какого-то из магов может только тот, кто сделал магический объект или является специалистом классом выше. Например, погасить шарик Марьяны Влад мог, а вот она погасить его шар не могла, и даже если бы могла, сто раз подумала бы, делать это или нет. Неизвестно, сколько Силы он закачал в шар, и, если ее количество превысило бы объем узла — может, выжечь бы и не выжгло, но на неделю в постель точно бы уложило.

Дальше было еще хуже — Владимиру вдруг захотелось посмотреть, как он может создавать электрический разряд... В общем, Марьяна выжила чудом, печка не выжила совсем. Ветвистая голубая молния врезалась в покрывающую зев печи чугунную плиту с дырками для котлов и заслонками и выворотила ее из кирпичей, чудом не создав пожар.

Владимир и Марьяна перепугались и, пока выбрасывали горящие дрова под дождь, договорились, что до поры до времени ограничатся лечебными магическими действиями. На том и порешили. Угли и тлеющие половики выкинули на улицу, пол опять пришлось отмывать. Потом улеглись на свои топчаны, накрывшись шерстяными одеялами, с чувством выполненного долга.

Утром было солнце, ливень закончился, оставив грязь, лужи, кучи грибов-дождевиков, в обхват величиной, и изумрудную пахучую растительность вокруг. Первым делом горемаги взялись за ремонт печи, выложив опять кирпичи и обмазав их замешенной глиной. Чугунная плита легла на свое место — благо что разбить ее можно было только из танковой пушки. Молния Влада не оставила на ней следа, кроме сбитой сажи. Кстати, тут он задумался: а если палить молниями по людям, одетым в броню, что же это будет, если никакого следа на железе не остается?

Марьяна «успокоила» его, заверив, что если на железе-то следа не остается, то содержимое этого железа нормально приобретет вид запеченной в духовке курицы. Что такое гриль, в этом мире не знали, но о духовке понятие имели.

Главное в магии, как оказалось, — это контроль. Контроль за своими действиями, за черпанием Силы, за невыпуском магических ударов наружу. Если маг не контролировал себя, если после него оставались руины, погибшие люди, — власти старались пресекать деятельность такого специалиста, а иногда и жизнь. Уникумов, способных разрушить усилия множества боевых магов, было мало, а даже если такие и существовали, им надо было спать, есть... Что ж, в еду можно подсыпать яд, а спящий не контролирует приближение врагов, — в общем, шанс превратиться в диктатора или бога у магигов был очень невелик, практически приближался к нулю.

Впрочем, жили сильные магики очень хорошо, богато, пользуясь всеми благами этой цивилизации. Силы их были ограничены только способностью захватить и накопить необходимое количество магии. Например — сил Марьяны хватало только на полдня работы с больными, потом ей приходилось около часа сидеть и медитировать, откачивая Силу.

Владимир, как ни странно, обладал магическим резервуаром гораздо большего объема. Видимо, это было потому, что шаровая молния разорвала в его теле связанные каналы, и он теперь мог использовать возможности человека на полную катушку. Вообще, его восхищала возможность творить что-то без всяких там заклинаний и завываний. Показал пальцем — бах,

объект упал. И все. Вот только тут тоже были свои законы. Ну если бы так: шел человек с «Магнумом-357», навел на другого, пальнул — тот упал. А дальше что? А дальше на тебя налетает толпа с такими же «магнумами» и, как бы ты ни отстреливался, кладет тебя наповал, рано так поздно. Впрочем, по зрелом размышлении Владимир пришел к выводу, что это правильно — иначе это был бы не мир, а один большой рабский загон у супермага. А так их количество и действия регулировались законом.

Итак, властелином мира Владимиру не быть. С этой мыслью, немало посмеявшись про себя, он смыл с себя сажу и глину и принялся хлебать куриную лапшу, которую сварила Марьяна на дворовой печке.

Им пришлось повозиться с ее розжигом — дрова были сырые после ливня, а разводить огонь магией они не решались. У Марьяны на это не хватало сил — жалкий убогий шарик фаербола, получавшийся у нее, не только не мог поджечь дрова, даже если их полить керосином, но еще и лишал ее половины запаса Силы. Фаерболы и что-то подобное — молнии, лед, вызывание ветра — были уже явлениями под силу магам более высокого уровня, требующего большого запаса Силы. Владимир же мог просто взорвать и эту печь, оставив их обоих без обеда.

В конце концов, после нескольких проб и сбитых трех со-сен, он сумел-таки ограничить шарик фаербола до размера теннисного мяча ярко-белого цвета. Враз высохшие от жара дрова вспыхнули с веселым треском, разбрасывая капли смолы и шипя выступившими из поленьев капельками воды. Марьяна, с ужасом и восторгом следившая за потугами Владимира, опасаясь, как бы он не разнес дом и «клинику», заявила, что если он с такой же энергией будет лечить больных, то они, больные, останутся без рук и без ног, а потом и он сам, так как ему их потрубают. С этими жизнеутверждающими заявлениями она плюхнула в миску Влада куриную ножку с клецками.

Как уже выяснил Владимир, картошки они не знали. Увы. Ему страшно не хватало картошки в этом мире. У себя он мог есть ее во всех видах: жареную, вареную, в супе, в салате, в чем угодно, — и теперь этих блюд ему не хватало. Мир вроде бы не

отличался от привычного, но время от времени все-таки попадались вот такие казусы.

Они так и называли его — Мир. Материки тут были другие. Основной материк, громадный, как Америка вместе с Евразией, назывался Астрал, а мелкие — ну не такие уж мелкие, но в сравнении с основным мелкие — острова. Их было множество, на некоторых разместились государства, объединяющие много островов.

С мироустройством Влад пока не разобрался, да и как-то все равно ему было — где и сколько островов и какие есть государства. Он знал пока одно государство и готовился в нем жить. Больше-то ему ничего не оставалось... Он не позволял себе думать о том, как ему вернуться домой. Если слишком много об этом думать, можно сойти с ума. Пока он не видел, как это сделать.

Марьяна открыла ему еще одну вещь: закон запрещал применять боевую магию против дворян или простолюдинов, если те не совершали каких-то преступлений или не находились в рядах противника в случае войны. Вначале Владимир никак не мог понять — ну как это так? Ну вот напал, к примеру, на него некто с мечом или там с ножом, а он не мог применить боевую магию? Оказывается — нельзя. Маг может защитить себя небоевыми действиями, ну типа усыпить, отбить удар магией, но вот убить нападавшего магией или хотя бы слегка поджарить — нет.

Размышляя над этим, Влад понял, что тут правящая власть защитила себя от угрозы нападения магов. Ясно, что этот закон касается только самих магов, которым к тому же запрещено занимать какие-то должности в администрации. То есть фактически маги были поставлены на уровень неких академиков — приносили нужные результаты, имели деньги на безбедную жизнь, но вынуждены были находиться в жестких рамках. Сделаешь шаг не так — специальный корпус магов-карателей найдёт тебя и подвергнет расправе. Тут задумаешься — так ли сладко быть магом?

Слаще всего в любом мире все-таки быть у власти. Представитель знати, не особенно задумываясь об условностях, вполне мог откупиться в случае совершения им убийства или другого

не менее тяжкого преступления, просто заплатив определенную сумму золотых. Ее размер зависел от статуса жертвы. Для тех же крестьян эта сумма не превышала полсотни золотых — годового заработка семьи.

Простолюдин, если у него нет титула дворянина, не мог вызвать на дуэль дворянина, но дворянин мог вызвать любого высородного, кроме герцогов и императора, а также и простолюдина — если не хотел просто его убить. Поединки происходили врукопашную, с применением холодного оружия, но без магии, как уже упомянуто выше. Применяв ее, маг сразу ставил себя вне закона.

Владимир долго не мог поверить в такую несправедливость, возмущался... Все это привело его в бо-оль-шое уныние. Чем отражать нападения (а он был уверен, что они неизбежны), если основное оружие фактически выбили из рук?!

— Ну, магик может нанять охрану, ходить всегда в сопровождении — есть специальные агентства наемников. Магики ведь обычно богатые. Им это по карману.

— А если охрана подвела? Или он один остался? Тут как быть? Сдохнуть?

— Ну бежать... А если не успел — тут уж драться или помирать. Знаешь, вообще-то у нас многие, и маги тоже, умеют железками махать. Мало ли что случится... Или силы не хватит, или охраны рядом не окажется. Ну а кто не может заработать на охрану — тот в леса забивается. Мы долго живем, завистников много... Так что учись железкой махать. Тут я тебе помочь не могу, только в городе можно научиться фехтованию, ездить на лошади. Вызовет тебя кто-то на дуэль — а ты или будешь стоять оплеванный, и все потом презирать тебя станут, или, если примешь вызов, тебя просто убьют.

Перспектива Влада не сильно вдохновила, и он задумался: «И тут засада! Будь ты хоть полубогом, могут в конце концов все равно прибить. Надо как-то вписываться в систему». Что он имеет? Тело, выдавшее виды, с большим левым плечом, с треском в суставах — довольно сильное и быстрое для своих лет, но совсем не дотягивающее до уровня фехтовальщиков Средневековья, с детства занимающихся этим гнусным делом

и только и мечтающих насадить кого-нибудь на свой дурацкий вертел. Только из-за угла и можно их глушить.

— Марьян, а есть какой-то запрет на использование магии не напрямую? Ну, например, я не могу засандалить в урода молнией, как я понял, не могу магией обрушить на него балкон, но могу ли я использовать какую-то магическую вещь — ну, к примеру, особо крепкий и острый меч или специальные стрелы. Или там броню какую-то сверхкрепкую. Могу их применять? Или какие-то там способности. Ну, к примеру, какой-то целитель сделал так, что я при желании начну двигаться быстрее всех. Или видеть дальше. Ну ты поняла, в общем...

— Да поняла я... — Она задумалась. — О запретах на такое использование Силы я не слыхала. Так и случаев такого ее применения мне неизвестно. Ты особенно-то себе не думай. Большинство целителей — это мой уровень, а те, кто правда что-то умеет — ноги-руки отращивать, чего-то изменять в теле, — очень редки. Да и не решаются лезть кому-то в брюхо. Намутишь там, а потом тебе башку снесут...

— А сами себя — могут «править»? Ну целитель взял и начал себя изменять.

— Я о таком не слыхивала. Это слишком. Фантазии это все. Ты пойми, на любое изменение, на лечение ты тратишь кучу Силы, а чтобы изменить уже здоровое, сопротивляющееся изменению, надо столько ее затратить, что это никому не доступно. Даже ты не сможешь. — Она покосилась на Влада. — Думаешь, я не понимаю, о чем ты говоришь? Я только порадуюсь за тебя, если ты сможешь это делать, но... Жаль, сомневаюсь я в том, что тебе это по силам. Давай-ка мы займемся лечением чирьев да хромоногих пастухов, а там научишься лечить и сам все поймешь. Пока ты еще ни одного больного не исцелил.

Дни проходили в домашних хлопотах, пришлось пропалывать заросший огород, на котором кроме лука-чеснока и обычных помидоров с огурцами росли различные лекарственные травы, даже женьшень, непонятно откуда взявшийся в средней полосе. Впрочем, после размышления Владимир понял: караваны с товаром ходят по всему матерiku, вплоть до Дальнего Востока, — почему бы им и не привезти семена женьшеня? Когда-то привезли, а теперь вот он и прижился.

Прижился он, как оказалось, только у целителей — они умели поднимать его рост, Марьяна научила использовать Силу для этого. Нужно было сидеть у грядки и, окунувшись в черноту, пытаться настроиться на растения... Через какое-то время Влад уже начинал видеть движение соков и на уровне подсознания подталкивать эти процессы, напитывая ауру растений Силой. Кстати сказать, после нескольких уроков он наловчился видеть ауру растений и людей. Она была разной. У растений — как бы охватывала свечением весь стебель, корни, и если в этой ауре появлялись прогалины, то, значит, растение болеет. Стоило закрыть Силой дырки в ауре, и растение сразу же поднималось, наливалось соками, начинало цвести.

Через некоторое время Владимир научился манипулировать с аурой сразу множества растений. Он как бы чувствовал, где больше всего растение нуждалось в подпитке, и направлял туда Силу. Она как бы оплетала объекты воздействия — у больных закрывала дыры в ауре, здоровых подпитывала, делая большими и сильными. Огородик у них разросся, Марьяна была очень довольна успехами Влада на мичуринском поприще.

— Хороший магик садовод-огородник будет всегда при деле, все крестьяне просто молиться на него станут, — доводила до сведения Владимира учительница. — Я могу работать только с десятком-двумя растений, ты же в состоянии целое поле обработать. Крестьяне будут просто счастливы тебя принять. Впрочем, денег на них ты не заработаешь, хотя и сыт будешь. Все деньги в столице. Тут так... крохи. Если сумеешь еще и перделывать тела, как ты мечтаешь, то клиенты у тебя всегда будут. Все богатые старухи, старики, все те, кто недоволен своей внешностью.

— Это можешь мне не объяснять. В нашем мире самые богатые из врачей — пластические хирурги. Они из дурнушки могут сделать красотку. И делают. Только стоит это столько, что позволить себе их услуги могут только очень богатые люди. Впрочем, простые операции типа убирания лопухости и тому подобные они делают сравнительно недорого.

— Ладно. Пора тебе переходить на людей. С растениями у тебя хорошо получается. Как я тебе уже говорила, с челове-

ским телом все сложно и одновременно просто. Ты воздействуешь на тело человека, ускоряя процессы его заживления. Учти, энергия заживления идет изнутри самого организма, и, если ты что-то в нем делаешь, главное — не довести его до полного истощения. В противном случае ты получишь целый и здоровый труп. Главное — контроль, главное — вовремя остановиться. Лучше чуть не долечить, чем убить больного лечением. Вот почему сложные случаи лечатся за несколько сеансов. В общем, с завтрашнего дня ты принимаешь пациентов.

— Хм, не прошло и трех лет. Как же это так быстро-то?

— Давай не смейся — лекарей допускают к больным через десять лет, не меньше, пока научатся контроль держать, пока научатся работать с Силой... Тебе, видимо, помогло то, что ты стал целителем уже взрослым, кроме того, ты обладаешь знаниями другого мира. Иначе бы ничего не вышло так быстро. Всего два года — и уже целитель. Только не задирай нос. И иди дров наруби, великий целитель...

На следующий день у «клиники» с рассвета уже стояла очередь из больных. Лекари наскоро позавтракали — Владу не терпелось попробовать себя, а Марьяне не терпелось увидеть, чему научила ученика.

Первым вошел мальчишка, проткнувший себе ногу каким-то штырем. Рана загноилась, нога распухла. «Еще немного — и начнется заражение крови. Впрочем, могло уже начаться», — подумал Владимир.

Он поводит рукой над головой мальчика, сосредоточившись на том, что тому должно быть не больно... не больно... не больно...

— Замри...

Мальчик застыл, глядя перед собой широко раскрытыми испуганными глазами. Его отец, выглянув из-за приоткрытых дверей, растерянно воскликнул:

— Что это с ним? Что с ним случилось?

Целители бесцеремонно прогнали мужчину и закрыли дверь, чтобы никто не мешал. Мальчика уложили на стол, сняв с него штаны и башмаки. Впрочем, башмак был один, так как больная нога распухла до состояния небольшого бревна. Целители встали по обеим сторонам стола.